

ПРОЗА
ФИОНЫ ВАЛПИ

Когда мы были счастливы

ФИОНА ВАЛПИ

Парижские
сестры

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44
В15

Fiona Valpy
THE DRESSMAKER'S GIFT

Серия «Когда мы были счастливы. Проза Фионы Валпи»

Публикуется с разрешения
Madeleine Milburn Ltd и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Константина Сорокина*

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Валпи, Фиона.

В15 Парижские сестры : [роман] / Фиона Валпи; — [перевод с английского К. Сорокина]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Когда мы были счастливы. Проза Фионы Валпи).

ISBN 978-5-17-127498-6

Париж, 1940 год. Оккупированный нацистами город, кажется, изменился навсегда. Но для трех девушек, работниц швейной мастерской, жизнь все еще продолжается. Каждая из них бережно хранит свои секреты: Мирей сражается на стороне Сопротивления, Клэр тайно встречается с немецким офицером, а Вивьен вовлечена в дело, подробности которого не может раскрыть даже самым близким друзьям.

Спустя несколько поколений внучка Клэр, Гарриет, возвращается в Париж. Она отчаянно хочет воссоединиться с прошлым своей семьи. Ей еще предстоит узнать правду, которая окажется намного страшнее, чем она себе представляла. По крупицам она восстановит историю о мужестве, дружбе, стойкости и верности. Историю обыкновенных людей, вынужденных совершать необыкновенные поступки в суровое военное время.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-127498-6

© 2019 Fiona Valpy Ltd
© Сорокин К., перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Посвящается памяти женщин-агентов Управления
специальных операций (УСО)*, работавших с французским
движением Сопротивления во время Второй мировой войны
и погибших в концентрационных лагерях
Нацвейлер-Штрутгоф, Дахау и Равенсбрюк:*

*Иоланде Беекман, Дениз Блох, Анффи Боррелль,
Мадлен Дамерме, Нур Инайят Хан, Сесили Лефорт,
Вере Ли, Соне Ольшанецки, Элейн Плюмэн, Лириан Рольф,
Диане Роуден, Ивонн Руделт и Виолетте Шабо,*

*и их сестрам по оружию, имена которых не были записаны
и чья судьба остается неизвестной по сей день.*

* Управление специальных операций, УСО (англ. Operations Executive, SOE) — британская разведывательно-диверсионная служба, действовавшая во время Второй мировой войны.

2017

Издалека платье полночно-голубого цвета смотрится так, будто вырезано из цельного куска шелка, а его широкие складки изящно обвивают форму манекена.

Но если присмотреться, то можно увидеть совершенно иную картину — платье, сшитое из лоскутов и обрезков, да так искусно, что на первый взгляд разглядеть это невозможно.

За годы истрепанное платье стало хрупким, поэтому, чтобы сохранить историческое наследие для будущего поколения, потребовалась дополнительная защита, и сотрудники музея поместили его в стеклянную витрину. На одной стороне располагается увеличительное стекло, с его помощью можно рассмотреть мельчайшие детали ручной работы. Каждый фрагмент платья сшит вручную такими невидимыми и идеальными стежками, на которые способна только современная техника. Посетители выставки каждый раз поражаются мастерству швеи, а также тому, сколько времени и терпения потребовалось для создания подобного платья.

В этой витрине отражена эпоха. Это часть нашего общего прошлого и моей личной истории.

Первым входит директор музея, проверяет, всё ли в порядке и готово к открытию, после чего одобрительно

кивает, и остальная часть работников отправляется праздновать это событие в бар за углом.

Но я все еще стою рядом, и прежде чем закрыть витрину, провожу кончиками пальцев по изящным серебряным бусинкам, которые притягивают взгляд к вырезу платья, хитрым образом отвлекая от сшитых лоскутов. Они подобно россыпи звезд на фоне полуночного неба. Могу представить, как они отражали свет, притягивали взгляд к изгибу шеи, линии скул, глазам владелицы этого платья, в глубине которых таился тот же самый свет.

Я закрываю витрину, осознавая, что всё готово. Завтра откроются двери галереи, и люди придут сюда, чтобы посмотреть на платье, которое смотрит на них с плакатов на стенах метро.

Бросая взгляд издали, они тоже подумают, что платье скроено из цельного куска шелка, но, только приглядевшись, смогут узреть истину.

ГАРРИЕТ

В то время как порыв горячего затхлого воздуха, вырвавшийся из лабиринта подземных туннелей, больно хлещет по моим ногам и развеивает волосы, я тащу свой тяжелый чемодан по ступенькам метро, выходя на встречу лучам дневного солнца и Парижу. Тротуар забит туристами, неторопливо прогуливающимися с картами и телефонами в попытке решить, куда им двигаться дальше. Быстрым и целеустремленным шагом пробираются сквозь толпы туристов элегантно одетые местные жители, которые весь август провели у моря, а сейчас они здесь, чтобы отвоевать свой город обратно.

Мимо проносится поток машин, переплетая непрекращающийся водоворот из всевозможных цветов и звуков. На мгновение меня охватывает лёгкое головокружение, вызванное ритмом Парижа и трепетным волнением от пребывания в городе, который станет моим домом на следующие двенадцать месяцев. Может быть, сейчас я выгляжу как туристка, но надеюсь, вскоре меня станут принимать за коренную парижанку.

Чтобы прийти в себя, я придвигаю свой чемодан к перилам у входа на станцию Сен-Жермен-де-Пре и снова пробегаю глазами по сообщению электронной по-

чты. Не то чтобы мне это было нужно, ведь я помню этот текст наизусть...

Уважаемая мисс Шоу,

в дополнение к телефонному звонку я рада подтвердить, что Ваша заявка на годичную стажировку в «Агенство Гийме» принята. Поздравляю!

Как отмечалось ранее, мы можем предложить Вам минимальную заработную плату за должность стажера, а также комнату для жилья, расположенную над офисом.

После того, как вы решите вопросы с организацией поездки, пожалуйста, подтвердите дату и время вашего прибытия.

С нетерпением жду возможности приветствовать Вас в нашей компании.

Искренне Ваша,

Флоренс Гийме.

Директор

PR-агентство Гийме, 12, Рю Кардинале,

Париж, 75000

Я до сих пор не могу поверить, что мне удалось уговорить Флоренс взять меня на работу. Она руководит PR-агентством, предоставляющим услуги в *индустрии моды*, главный объект их внимания — небольшие компании и стартапы, которые не могут позволить себе собственный штат сотрудников отдела. Обычно Флоренс не берет на работу стажеров, но мое письмо и резюме были настолько впечатляющими, что она, в конце концов, позвонила мне (правда, это случилось после того, как я несколько раз подряд отправляла ей документы, видно она поняла, что я не оставляю ее в покое,

пока не получу ответ). То, что я готова работать в течение целого года за минимальную плату, свободно владея при этом французским языком, привело к официальному собеседованию по скайпу. Поставила точку блестящая рекомендация от моего преподавателя в университете, подчеркивающая интерес с моей стороны к индустрии моды и ответственное отношение к напряженной работе. В конечном итоге это убедило ее взять меня.

Я собиралась искать съемное жилье в менее благополучном районе пригорода, оплачивая его деньгами из небольшого наследства, оставленного моей матерью. Поэтому, как мне кажется, бесплатная комната над офисом стала для меня очень выгодным предложением. Выходит, я стану жить в том самом здании, где как раз и располагается «Агентство Гийме».

Я не верю в судьбу, но казалось, что какая-то неведомая сила тянет меня в Париж. Она привела меня на бульвар Сен-Жермен. Притянула сюда.

К зданию на фотографии.

Я нашла эту фотографию в коробке с вещами моей матери, спрятанной в самый дальний угол верхней полки шкафа в моей спальне. Скорее всего, это было делом рук отца. Возможно, он хотел, чтобы я обнаружила коробку, будучи достаточно взрослой для знакомства с ее содержимым. После того, как прошедшие годы сгладят остроту моего горя, а боль будет не такой сильной. Или чувство вины заставило убрать коробку с глаз долой, чтобы мучительное напоминание не попадалось на глаза ему и его новой жене, ведь именно их отношения стали

причиной маминых страданий, которые, в конечном счёте, привели её к самоубийству.

Я обнаружила ее одним промозглым днём, будучи подростком, когда вернулась домой из школы-интерната на пасхальные каникулы. Несмотря на неудобства, которые я им доставила, папа и мачеха выделили мне комнату, позволили выбрать цвет для стен и дали возможность самостоятельно расставить книги и расклеить плакаты, которые я привезла с собой. Однако здесь я никогда не чувствовала себя как дома. Это был только их дом, а не мой. Для меня это всего лишь место, куда я была вынуждена переехать, когда у меня не осталось крыши над головой.

В тот дождливый апрельский день мне было невыносимо тоскливо. Две мои сводные сестры тоже скучали: сначала они задирали друг друга, потом начали обзываться, спорили, в конце концов раздался громкий визг и хлопанье дверями.

Я вернулась в свою комнату и надела наушники, чтобы хоть музыкой заглушить этот шум. Сидя на кровати, скрестив ноги, я принялась листать последний номер журнала *Vogue*. По моей просьбе мачеха подарила мне подписку на Рождество. Каждый раз мне доставляло истинное наслаждение открывать очередной номер, внимательно изучать глянцевые страницы, пахнущие образцами дорогих духов и лосьонов, словно заглядывая сквозь некий портал в гламурный мир высокой моды. В тот день на обложке была фотография модели в бледно-желтой футболке с надписью «Вещи в пастельных тонах на начало лета». Фото напомнило мне, что где-то в шкафу среди летней одежды, которую я тщательно постирала и убрала еще прошлой осенью, когда настало время доставать свитера и джемперы, у меня есть нечто похожее.

Я отложила журнал в сторону и передвинула стул к шкафу. Когда я доставала летние вещи, то кончиками пальцев коснулась помягчавшего от времени картона коробки, задвинутой в дальнюю часть полки.

До этого дня я никогда не обращала на нее внимания — возможно, потому, что еще не была достаточно высокой, чтобы разглядеть надпись на ней — но теперь, встав на цыпочки, я придвинула коробку к себе и увидела на ней имя мамы, написанное толстым черным маркером на клейкой ленте, которая покрывала крышку.

Все мысли о вещах в пастельных тонах на начало лета моментально вылетели из моей головы. Я потянула коробку на себя. Рядом с ее именем — Фелисити — подчерком отца было написано: «Документы, фотографии и пр. для Гарриет».

Я провела пальцами по словам, и мои глаза наполнились слезами при виде наших написанных рядом имен. Широкая клейкая лента потеряла свою липкость за истекшие годы, и когда я коснулась ее, она с легким треском отошла от картона. Я смахнула слезы рукавом и открыла коробку.

Кучи документов, частицы маминой жизни, наспех собранные «на память Гарриет», выглядели так, словно их второпях побросали в коробку, вместо того, чтобы выбросить в мусорный мешок.

Я разложила их на полу в своей спальне, отделяя официальные документы, ее устаревшие водительские права и паспорт от копий моих школьных табелей и самодельных открыток, которые я посылала ей на протяжении многих лет. Я снова заплакала, увидев забавные детские рисунки, где мы были изображены держащими за руки. Но я улыбнулась сквозь слезы, когда поняла, что даже в таком раннем возрасте умудрялась добавлять

в свои рисунки модные штрихи в виде больших пуговиц внизу наших платьев или ярких цветных сумочек в тон. Почерк на открытках менялся от неумелых печатных букв до округлых, мои сердечные послания мама ценила, поэтому и сохранила их. Возможно, мне только показалось, но даже после всех этих лет от рисунков веяло запахом маминых духов. Сладкий цветочный аромат оживил во мне воспоминания о черном флаконе с серебряной крышкой, стоявшем на ее туалетном столике, с французскими духами Arpège.

И все же одних моих фотографий и открыток было недостаточно. Они не смогли вытащить ее из зыбучих песков одиночества и печали, затянув в итоге так глубоко, что единственным выходом, который она видела в сложившейся ситуации, стала смерть. Имя, которое мама получила при рождении, было одной из главных ироний ее жизни, в которой она отнюдь не могла похвастаться удачей. Она казалась по-настоящему счастливой только когда играла на пианино, растворяясь в исполняемой музыке, когда ее ладони легко порхали по клавишам. Меня переполняло невыносимое горе, пока я складывала открытки в аккуратную стопку: вот оно, безмолвное свидетельство того, как сильно любила меня мама; но даже эта любовь не смогла её спасти.

Когда глаза просохли от слез, я отложила открытки, обратив внимание на стопку фотографий в углу коробки.

В самом ее верху был снимок, после которого мое дыхание замерло. На нем моя мать держала меня на руках, мои по-детски пуховые волосы, словно ореол, ловили солнечные лучи, струившиеся из окна поблизости. Благодаря омывавшему ее свету моя мама выглядела подобно Мадонне с картин эпохи Возрождения; и я была освящена любовью, переполнявшей все ее существо. На за-

пястье мамы хорошо виден золотой браслет, который сейчас украшает мою руку. Мой отец подарил мне его на шестнадцатилетие, объяснив, что он принадлежал моей матери, а до этого — ее матери. С тех я ношу его каждый день. На фотографии можно разглядеть несколько подвесок на самом браслете: крошечную Эйфелеву башню, катушечку ниток и наперсток.

Должно быть, папа сделал эту фотографию, когда мы были втроем, только мы друг у друга, одно целое.

Я отложила снимок в сторону. Мне пришла в голову мысль подобрать для него подходящую рамку и взять с собой в интернат, чтобы поставить на подоконник у кровати, не беспокоясь о том, что это расстроит отца или вызовет недовольство у мачехи. Напоминание о прошлом, которое они предпочли бы забыть. Как будто моего присутствия в их доме им было недостаточно.

В коробке были несколько школьных фотографий, где я, осторожно улыбаясь, сижу в белой блузке и темно-синем джемпере на небесно-голубом фоне фотографа. Она хранила эти фотографии год за годом. На одних мои светло-каштановые волосы отделяла лента темно-синего отлива, на других локоны были собраны в аккуратный хвост, но настороженное выражение моего лица всегда оставалось неизменным.

Когда я достала с самого дна коробки последние фотографии времен школы, завернутые в бумажный сверток кремового цвета, на мои колени упало еще одно изображение. Это был старый черно-белый снимок, свернувшийся и пожелтевший от старости. Давно забытый, он, очевидно, попал в эту кучу по ошибке.

Что-то на этом фото — улыбки трех девушек, элегантные линии их костюмов — привлекло мое внимание. Над ними буквально витал парижский шик, нехарактерный для английских особ. Присмотревшись, я